

өндіріс, еңбек, экономикалық қатынастар жасайды» [5, 85 б.]. Адамдар мен таптар арасындағы экономикалық қақтығыс (тап күресі) — тарихтың қозғаушы күші.

Тарихшылар мен философтар арасында жиі туындайтын пікірталастар мен келіспеушіліктер олардың өзара тығыз байланысты екеніне күмән келтірмейді. Ойымызды И. Лакатостың тарих философиясы мен тарих ғылымының арақатынасына қатысты пікірін мысалға ала отырып қорытсақ: «Тарих философиясы тарих ғылымынсыз бос қуыс, ал тарих ғылымы тарих философиясынсыз көр соқыр».

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Шалдарбекова А.Б. Тарих философиясы. Оқулық. - Шымкент: М.Әуезов атындағы ОҚУ, 2025. – 144 б
2. Репина Л.П., Зверева В.В., Парманова М.Ю. Тарихи білім тарихы. Оқулық. Ұлттық аударма Бюросы қоғамдық қоры. - Нұр-Сұлтан, 2020. -300 б.
3. Ахметов С.С., Джаамбаева Б.А. Объективное знание и «открытое общество» К. Поппера в современном информационном поле. Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». № 2(110)/2023.
4. Ивин А. Философия истории. Учебное пособие.- М.: Гардарики, 2000. -200 с.
5. Джонстон Д. «Философияның қысқаша тарихы. Сократтан Дерридаға дейін» / Ғылыми ред. Нуршышева Г.Ж. – Астана, 2018.– 216 б.

УДК 316.42

РАССУДОЧНЫЙ И РАЗУМНЫЙ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Шуматов Эльдар Галимжанович

Академия гражданской защиты имени М. Габдуллина Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан, начальник факультета очного обучения, Кокшетау, Казахстан

Шуматова Меруерт Маратовна

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, докторант, Астана, Казахстан

Человек, начиная с возникновения первых обществ и по сегодняшний день, всегда решал вопросы безопасного своего существования. Существование человека с природной точки зрения защищено на уровне индивида инстинктом самосохранения, а на уровне вида – функцией репродукции.

Летопись истории совместного существования людей, к сожалению, имеет печальные страницы, когда один род, племя или даже народность могла полностью физически уничтожить другие социальные группы. Однако, современная ситуация с возможным самоуничтожением человечества в результате например ядерной катастрофы по-своему неповторима. При этом вопрос о том, является ли атом мирным или нет, несущественен. В независимости от альтернативы – последствия одинаково разрушительны для жизни не только человека, но и всего живого на Земле. Проблема безопасности имеет не просто планетарный, а космический масштаб! Именно в рамках современного общества вопросы безопасности актуализировались как никогда.

Возникает вопрос: «Почему именно современное общество не смогло должным образом выработать механизмы своего безопасного существования?» А также какие механизмы, факторы или какие-либо другие причины препятствовали и до сих пор препятствуют этому.

Согласно Э. Гидденсу, социальные структуры – это правила и ресурсы для воспроизводства социальных систем. Если социальные системы, управляемые социальными структурами, в социальном пространстве и времени имеют практику воспроизводства, то у акторов социальных действий формируется чувство онтологической безопасности (Ontological security) [1]. Тем самым воспроизводство социальных практик гарантирует знакомый, свой, родной горизонт бытия, то есть у социального субъекта – актора – формируется доверительное отношение к социальному миру. Естественно, поэтому все механизмы воспроизводства имеют одобрение со стороны общества, а все что угрожает воспроизводству таит в себе опасность, и подпадает под строгий запрет – табу.

Вопросы обеспечения безопасности не просто пронизывают жизнедеятельность отдельного человека и общества, но формируют и образуют определенную сферу – пространство безопасности,

где обществом строго нормируется и упорядочивается деятельность и поведение каждого члена общества.

Естественно, что безопасность накладывает свои ограничения на осуществление человеком своих желаний и реализацию им прав и свобод. Но само собой разумеется, что осуществление желаний и реализация прав и свобод человеком, находящемся вне безопасного пространства, невозможно. Взаимоотношения безопасности и свободы прямо пропорциональны, они действуют как бы рука об руку. Чем больше человек хочет реализовать свою свободу, тем больше возрастают риски небезопасности, которые он должен преодолеть. И эта ситуация небезопасности до такой степени негативно сказывается на бытии человека, что даже возникает такой феномен как бегство от свободы (Э. Фромм). Свобода подразумевает ответственность за свое творчество, но безопасны ли новые горизонты творчества человека, ибо без безопасности свобода вырождается в произвол, а свобода без творчества вырождается в рутинизацию повседневной жизни, а сам человек превращается в часть механизма, её винтик, или в материально-обеспеченный автомат [2].

Указанное затруднение было в центре внимания научных интересов и Т.И. Абжанова, но он оперировал понятиями рассудка и разума [3]. Если перефразировать указанными категориями, то проблема звучала бы следующим образом. В процессе реализации своей свободы разум трансцендирует границы всякого возможного опыта, впадает в трансцендентальную видимость и противоречит самому себе. В результате он уничтожает все, что было построено и упорядочено рассудком, то есть сферу опыта – сферу эмпирического, а потому проверенного и, следовательно, безопасного бытия. Разум, оторванный от рассудка, разрывается антиномиями. Если изначально (И.Кант употребляет термин «априорно») разум хотел довести дело рассудка до логического завершения, то есть привести природу к единому синтезу к Миров-порядку, но в результате он впадает в хаос и произвол.

Либо разум вырождается в рассудок, а рассудок в предрассудок. Исключается всякое творческое начало и в том числе этическое. Человек рассматривается как механизм или автомат, действия которого строго регламентированы и нормированы, так как они фундамент и основа безопасного бытия. Рассудок, накладывает бесконечное количество ограничений и запретов, нарушение которых наказуемо. Ограничения, то есть нормы, правила, санкции, приказы, предписания, законы и т.д., бесконечны, так как само рассудочное (эмпирическое) абсолютизировано.

Разумеется, что индивидуальный опыт человека проходит через синтез рассудка и разума как сквозь «фильтрующий механизм». То, что поддается систематизации и классификации – находится на своем месте, а отклоняющееся и неопределенное представляет опасность потому, что неизвестны последствия их влияния – нет ожидаемых реакций, формирующих чувство безопасности и доверия. Когда социальный опыт упорядочен, а поведение индивидов ожидаемо и предсказуемо, то и у отдельных членов общества формируется чувство онтологической безопасности. Все то, что находится в пространстве культуры – безопасно; периферия и граница же несут в себе опасность.

Здесь следует подчеркнуть роль и место этического (разумного) сознания в деле воспитания всех членов общества. Этическое сознание (разум) не просто закрепляет социальные нормы порядка и контроля безопасного существования, но имеет принцип усиления и фокусирования. Человек, который даже мысленно нарушает установленный порядок, подвергает опасности не только себя, но и социум в целом. Боязнь перед опасным и желание наличия чувства безопасности вынуждают человека вести моральный образ жизни, так как такое его поведение для других членов будет ожидаемым и предсказуемым, а следовательно к самому человеку будет доверительное и доброжелательное отношение, и сам человек будет себя чувствовать полноценным членом общества, а потому и рассчитывать на его поддержку и защиту.

Усиливающий фактор этическому сознанию придает и так называемая «обвинительная теория опасности» (forensic theory of danger), согласно которой мир, окружающий человека, морализирован [4]. Хитрость этого учения в том, что человек, подвергшийся опасности или какому-нибудь несчастью, виноват в этом сам, то есть вина вменяется самому человеку, который подвергся опасности. Этическое сознание усиливает желание человека вести праведный образ жизни, сохраняя и приумножая установившийся порядок, и тем самым защищая его от опасности, формируя в нем чувство безопасности.

Итак, в моральном мире у добропорядочного человека формируется доверительное отношение к миру и вырабатывается чувство онтологической безопасности. Лучше быть моральным и ответственным, так как в таком случае, соответствуя социальным ожиданиям, человек твердо знает

свое место и предназначение в мире. Или говоря иначе, он признан миром, а в самом мироздании исключается всякая непонятная неопределенность.

В случае если человек оступился, как говорится, с кем ни бывает, этическое сознание посредством коллективных представлений осуждает его. По сути, он и сам себя очень строго осуждает, так как он тоже носитель этического сознания.

Согласно древнегреческому мифу, Прометей украл огонь у своего друга Гефеста. Но Прометей не только украл огонь, но и научил правильно пользоваться им, он также научил строить жилища, одомашнил животных, научил лечить болезни и т.д. Его образ символизируется с защитой от гнева богов. Несмотря на гнев богов человек, посредством переданных ему знаний, способен относительно обезопасить свое существование. Ключом к безопасному бытию является знание. Сам по себе огонь – это разрушающая сила, просто необходимо правильно им пользоваться, как говорится соблюдать нормы пожарной безопасности. Тем самым знание, переданное Прометеем, – это знание меры и нормы онтологической безопасности. Норма (знание) обуздывает угрожающую и разрушающую силу богов (природы).

Вопросы нормирования (меры), в данном контексте безопасного бытия, интересовали древних мыслителей, подтверждением чему являются цитаты и отдельные афоризмы из их сочинений, которые, к сожалению, сами полностью до наших дней не сохранились. «Все хорошо, что в меру» (Гиппократ). «Ничего сверх меры», «Мера – важнее всего», – говорил один из семи мудрецов. Но дальше всех пошел Протагор, утверждая что «Человек – мера всех вещей».

Сама по себе сила не принадлежит человеку. Хитрость человека в укрощении одной силы другой. Самое сложное выдержать баланс сил (меру). Хрупкость безопасного бытия человека тем и определена, что баланс относителен и непостоянен. Эта относительность и непостоянность нормы (меры) является центральной проблемой философии Гераклита. И в подтверждение наших взглядов, согласно Гераклиту, наглядным образом этого непостоянства нормирования, является огонь.

Первичная функция огня по формированию безопасного бытия не утратила своего значения и сегодня. «Абстрактные системы современности создают обширные сферы относительной безопасности для непрерывного течения повседневной жизни» – пишет Э.Гидденс [4; 131]. Элементарное отключение света (электроэнергии) по сути дела парализует все сферы жизнедеятельности современного цивилизационно-развитого общества – система водоснабжения, отопления, канализации, общественного питания, больницы и т.д. Страшно представить ужасающие последствия в случае отсутствия электричества более трех суток.

Само собой разумеющееся, привычное, обыденное не ценится, мы им не дорожим, но только стоит ему исчезнуть, как сразу наше отношение к нему меняется. Без огня, без света (электроэнергии) мир дезорганизуется, возвращается в изначальное хаотическое состояние. Символическая центральная (читайте – упорядочивающая) мощь огня (энергии) до сих пор является базовым компонентом онтологической безопасности. Где порядок и чистота, там человек чувствует себя безопасно. Для древнего человека учение о четырех стихиях – это не просто констатация элементов бытия, но это и учение об упорядочивающих (синтезирующих) силах разумного Миров-порядка.

Но что собственно представляет собой опасность, от которой мы всеми возможными способами пытаемся обезопаситься и защититься. Как пишет М.Дуглас, опасное – это грязное, то есть «это побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи» [4; 36]. Так же как и чистота (порядок) «грязное» зависит от нашей символической системы. Где же тогда критерий различия грязного и чистого, опасного и безопасного. Или говоря иначе, это проблема синтеза, в процессе которого рассудок и разум действовали сообща, а не поглощали друг друга.

Тем самым грязь представляет опасность, так как обесформлена, то есть неопределенна, не синтезирована рассудком и разумом. Поэтому чтобы обезопаситься от грязи просто необходимо неопределенное сделать определенным, то есть определить, или точнее разделить или отделить. Это и есть рассудочный аспект безопасности.

Однако то, что разделено, то должно быть и освящено, то есть дан высший разумный синтез с указанием места в целостной системе Мироздания. Раньше, имеется ввиду до процесса секуляризации в Новое время, такого деления не было. Это единство разделения (рассудка) и освящения (разума) сохранено в некоторых языках. Так, понимание святого как разделения, то есть упорядочивания и систематизирования в казахском языке схватывается в одном слове «қасиетті».

В переводе с казахского «қасиетті» означает «святой», «священный», но в то же время слово «қасиет» имеет смысл качества, или более точно – отделенного и вычлененного свойства. В целом сам процесс божественного творчества – это процесс освящения, который по сути есть процесс приведения мира в порядок, то есть процесс упорядочивания. Для наглядности можно привести пример из книги Бытие – первой книги Библии, где посредством проговаривания как процесса

разделения осуществляется творение мира. Творение мира есть отделение – света от тьмы (день – ночь), тверди от воды (земля – небо) и т.д. Или говоря иначе творение мира есть проговаривание порядка. Тем самым освятить, то есть отделить и привести в порядок, а что получило благословение, то и свято. Все что не классифицируется, то есть не было освящено – скверно, запретно или ничтожно.

Эпоха модерна знаменует собой радикальный разрыв с до-модерными формами осмысления мира, включая коллективные представления о (без)опасности, порядке и легитимности власти. В контексте секуляризации, десакрализации социальных институтов и возрастания автономии субъекта, модерн предпринимает беспрецедентную попытку – стать самотрансцендентной эпохой, в которой историчность и социальный порядок полагаются не извне, а конституируются самим обществом, действующим как субъект собственного проектирования. Эта парадигмальная установка на самооснование, на отказ от трансцендентных гарантий и метафизических опор, приводит к смещению основания безопасности: от сакрального и традиционного – к рациональному и процедурному.

Однако парадокс модерна заключается в том, что, освобождая субъекта от внешних ограничений и вводя в действие принцип автономии, он одновременно порождает новую форму уязвимости – онтологическую неустойчивость. Разум, утрачивая свои традиционные «владения» – систему культурных иллюзий и мифов, некогда обеспечивавших экзистенциальную стабильность, – оказывается дестабилизирован. В ответ на это рассудок (в кантовском смысле как способность к упорядочиванию и нормализации) стремится к восстановлению утраченного порядка через гипертрофированный контроль, включая контроль над самим субъектом. Тем самым, обеспечение безопасности, выстроенное исключительно на рационалистических основаниях, приводит к возникновению общества тотального контроля – того, что М. Фуко обозначил как «дисциплинарное общество», а позже – Ж. Делёз как «общество контроля».

Тем не менее, и противоположная крайность – упование на автономный «чистый разум», неограниченный внешними регулятивами, – не способна гарантировать устойчивую безопасность. Такая модель, склонная к эрозии нормативных границ, приводит к вырождению социальной ткани в форму нормативного нигилизма, или, по выражению Бодрийера, в «симулякр свободы», где вседозволенность маскируется под субъективную эмансипацию. Таким образом, модерн обнаруживает свою внутреннюю антиномию: между безопасностью как контролем и свободой как риском, между необходимостью порядка и невозможностью его окончательного установления без насилия.

Таким образом, модерн как проект самоконституирующегося разума, стремящегося к автономии и освобождению от внешне заданных оснований, породил сложную антиномию между свободой и безопасностью, между самотрансцендентным разумом и нормативизирующим рассудком. В условиях утраты традиционных форм легитимации и экзистенциальной устойчивости современное общество оказывается втянуто в бесконечный процесс производства контроля и управления рисками, что с необходимостью трансформирует саму природу субъекта и социума. Парадоксальным образом стремление к свободе порождает новые формы зависимости, а поиск безопасности – новые угрозы.

Указанная проблематика получила концептуальное развитие в работах Т.И. Абжанова, где акцент делается на противоречивости современного сознания и необходимости философской рефлексии над основаниями социального порядка в условиях кризиса традиционных форм нормативности. Пока общество продолжает искать ответы на фундаментальные вопросы свободы, безопасности, порядка и идентичности, будут сохранять свою актуальность те исследовательские подходы, которые стремятся осмыслить эти процессы не только в историко-контекстуальном, но и в онтологическом измерении. В этом отношении философско-социальная рефлексия, выходящая за пределы позитивистского рационализма и открытая к интерпретации сложных культурных трансформаций, остаётся неотъемлемым инструментом критического мышления и проектирования возможного будущего.

Список использованной литературы:

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. – Москва: издательство АСТ, 2023. – 288 с.
3. Абжанов Т.И. Диалектика рассудка и разума в истории философии: дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Т.И. Абжанов. – Алма-ата, 1990. – 245 с.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis, – 1994. – № 5. – С. 107-134.
5. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу: пер. С англ. / Ин-т социологии РАН и др.; вступ. ст., коммент.: Баньковская С.П. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 286 с.